

О. А. Красненко

ТИПЫ ГОСПОДСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИИ

Россия как независимое государство в его современных границах появилось на стыке двух основных цивилизаций: Запада и Востока, что в значительной степени отразилось на ее национальной культуре и особенностях государственного управления. В социологии Макса Вебера «современное государство есть организованный по типу учреждения союз *господства*, который внутри определенной сферы добился успеха в монополизации легитимного физического насилия как средства господства и с этой целью объединил вещественные средства предприятия в руках своих руководителей, а всех сословных функционеров с их полномочиями, которые раньше распоряжались этим по собственному произволу, экспроприировал и сам занял вместо них самые высшие позиции»¹.

На Западе долгое время считали, что Россия не может самостоятельно управлять своей страной, что в ней отсутствуют субъекты власти. В своих размышлениях они ссылались на легенду об основании Российского государства скандинавами, которые смогли упорядочить властные отношения в нашей стране, двигаясь от Новгорода к Киеву. Подтверждением несамостоятельности русских в вопросах государственного управления служил и тот факт, что, начиная с Петра III, у власти в России стояли немецкие правители. Западники зачастую поддерживали эту точку зрения и искали возможности для переноса европейской законности и правопорядка в российскую политическую систему.

Но разве могло самое большое в мире государство возникнуть и сформироваться в условиях анархии и безвластия? Что было организующим моментом и источником власти, сделавшими возможным столь долговременное существование данного политического союза? Славянофилы однозначно отвечали на этот вопрос и видели общину с ее традиционным укладом единственно возможным способом существования и развития российского государства. Кто из них прав? Западники или славянофилы? Спор продолжается.

Цель данной статьи — выявить, какие типы господства (в терминологии Макса Вебера) представлены в политической культуре России. Для достижения данной цели автор предлагает рассмотреть основные положения концепции власти М. Вебера, концепт политической культуры, в т. ч. и применительно к российской действительности.

Отношения господства и подчинения в социологии М. Вебера

Власть в социологическом контексте — это, прежде всего, неравные отношения взаимодействующих сторон. Они предполагают асимметрию, т. е. субъект властных отношений обладает рядом качеств, которые позволяют ему подчинить себе волю объекта властных отношений и изменять его поведение по своему усмотрению. Почему объект властных отношений покоряется и не отказывается от такого социального взаимодействия? По мнению теоретиков социального обмена² причина проста. Дело в том, что субъект власти обладает такими ресурсами (деньги, средства производства), которых нет у объекта власти, но которые ему необходимы для поддержания своего существования. Поэтому объект власти вынужден

© О. А. Красненко, 2008

соглашаться на все условия и подчинять свои желания желаниям субъекта власти. Таким образом, властные отношения — это отношения зависимости.

Все существующие на сегодняшний день основные концепции власти можно разделить на две группы³. К первой группе относятся концепции, где власть рассматривается в межличностном аспекте как «отношения нулевой суммы», когда с возрастанием влияния одной группы индивидов уменьшается влияние другой. Данный вид отношений предполагает латентный конфликт, т. к. интересы одних удовлетворяются в ущерб интересам других. К данной группе относятся концепции Вебера, Лассауэла и Кэглэна, Даля, Бэкрэка и Бэрэтца, Льюкса и Блау. Ко второй группе — концепции власти Парсонса и Арендт, власть в которых рассматривается как свойство социальной системы, а, следовательно, речь идет уже об «отношениях ненулевой суммы», когда власть осуществляется в духе всеобщего блага.

Как видно из материала, приведенного выше, первая группа концепций власти имеет значительно больше приверженцев и последователей, чем вторая. Таким образом, можно сделать вывод, что властные отношения — это, прежде всего, конфликтные отношения зависимости, когда в силу определенных причин в результате взаимодействия происходит подмена интересов участвующих в них сторон.

В данном исследовании власть будет рассматриваться в контексте, предложенном М. Вебером. Дело в том, что власть — это многоликое социальное явление. Она может трактоваться как принуждение или сила, побуждение или убеждение, или даже как манипуляция⁴. М. Вебер ограничивает понятие власти рамками отношений господства и подчинения. «Государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествующие, есть отношение господства людей над людьми, опирающееся на легитимное (то есть считающееся легитимным) насилие как средство»⁵. В основе таких взаимоотношений лежит авторитет субъекта власти. В переводе с латинского языка авторитет (*auctoritas*) означает власть, влияние, принадлежащее субъекту, в силу его определенных характеристик. Источником авторитета могут служить традиция, харизма или же закон. В зависимости от этого М. Вебер выделяет три типа отношений господства: традиционное, харизматическое и легальное (бюрократическое). Легальное господство можно считать «вершиной» эволюции политической системы, т. к. в данном случае легитимность власти поддерживается законом, который признается и разделяется всеми членами общества не независимо от их роли во властных отношениях. Прекрасными примерами государств, воплотивших принципы легитимной власти, являются страны западной Европы и страны Содружества (Канада, Австралия, Новая Зеландия), а также США.

Если говорить о традиционном господстве, то господин (субъект власти) признается таковым в силу традиции, т. е. трансмиссии основных обычаев, норм поведения и ценностей из поколения в поколение. «В старые времена людям жилось лучше, т. е., собственно говоря, не лучше, а легче. Не в том смысле легче, что меньше было труда и страданий, — нет, всего этого было достаточно, — а думать людям не приходилось. За них думали другие — но и эти другие, собственно, тоже не думали, потому что и за них думали третьи, а за третьих, таким же образом, четвертые и т. д. Казалось бы, что в этой цепи „недумания“ должны были самом конце оказаться какие-то „думающие“, но и этого не было. Дело в том, что цепи конца не было. Цепь живых людей в своем целом соединялась с цепью мертвых, и за живых думали мертвые: это называлось заветами предков»⁶. Таким образом, взаимоотношения при данном типе господства регулируют обычай, и объект управления принимает власть и самого субъекта власти как некий неизменный феномен.

Вебер акцентирует внимание на том, что харизматический лидер управляет людьми в соответствии со своим призванием⁷. «Преданность харизме пророка или вождя на войне, или

выдающегося демагога в народном собрании (ekklesia) или в парламенте как раз и означает, что человек подобного типа считается внутренне „призванным“ руководителем людей, что последние подчиняются ему не в силу обычая или установления, но потому, что верят в него»⁸.

Постепенно власть трансформируется: традиционный или же харизматический лидер перестает пользоваться услугами аристократии и все больше опирается в проведении своих политических решений на людей, зависимых от него материально (слуг, рабов, челядь). Так появляется «штаб управления» при господине или, другими словами, бюрократия. «Его подчинение вызвано двумя средствами, апеллирующими к личному интересу: материальным вознаграждением и социальным почетом (Ehre)»⁹. В свою очередь, вероятность потери этих благ обеспечивает солидарность «штаба управления» с «хозяином».

Таким образом, в соответствии с классификацией М. Вебера существует три типа политического господства (традиционное, харизматическое и легальное), которые в настоящее время в чистом виде не существуют, но при этом их использование позволяет осуществить анализ политического устройства любого государства.

Власть и политическая культура

Понятие «культура» происходит от латинского слова “colere” (т. е. «возделывать») и охватывает собой как материальную, так и духовную сферы жизни общества. В данной статье этот термин будет использоваться применительно к нематериальным достижениям человечества. Так, Тейлор, социальный антрополог из Великобритании, пишет, что культура или цивилизация, взятые в широком антропологическом смысле, представляют собой то комплексное единое целое, которое включает знания, верования, искусство, моральные нормы, обычаи и другие способности, приобретенные человеком как членом общества. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что, чем развитее общество, тем более высокая культура характерна для его членов.

Если определить культуру как паттерны мышления и поведения людей, то политическая культура представляет собой паттерны мышления и поведения людей в политической сфере общества. «*Политическая культура* — это некий безграничный, многоаспектный, воспринимающий концепт. Он безграничен в том смысле, что достаточно широкое разнообразие познавательных действий, ценностей и эмоциональных обязательств может быть включено в анализ. Он многоаспектен или многомерен в том смысле, что он состоит из нескольких аналитически различных факторов. И он воспринимающий концепт в смысле того, что он направляет внимание в сторону возможных или широко неиспользуемых политических данных с целью увеличения знания о субъективных ориентациях в политике. Этот концепт не теория о политике, и он не призывает к новому политическому феномену. Он фокусирует внимание на символических, оценочных и когнитивных реакциях людей по отношению к политической системе, а также на отношениях этих ориентаций с другими аспектами политики»¹⁰. Следовательно, концепт «политическая культура» относится, прежде всего, к поведению людей в рамках политической системы.

Политическая культура подобно человеческой психике характеризуется рациональным и иррациональным уровнями восприятия действительности. Таким образом, понятие «политической культуры» можно подразделить на рациональную политическую культуру и на традиционную политическую культуру в зависимости от особенностей отношений между субъектом и объектом политической власти.

«Сердцевиной любой политической культуры являются властные отношения»¹¹. Однако в зависимости от оснований для этих отношений (закон или традиция), политическая

культура будет либо рационально-бюрократической, либо традиционной. Габриель Алмонд, демаркируя политическую систему от политической культуры, пишет: «Каждая политическая система основывается на определенном образце ориентаций на политическую деятельность. Я обнаружил, что это удобно означать как политическую культуру»¹². Алмонд выделяет четыре основных типа политических систем: англо-американские, континентально-европейские, доиндустриальные и тоталитарные политические системы. Политическая система оказывает влияние на особенности политической культуры, но политическая культура (по Алмонду) — это, прежде всего, «ориентация граждан на политическую деятельность», которая характеризуется их стремлением к познанию, предпочтениями и оценками.

Говоря о рациональной политической культуре общества, необходимо остановиться на особенностях субъекта и объекта властных отношений. В качестве первого обычно выступают специализированные учреждения и институты, которые осуществляют политическое управление в стране. В качестве второго — гражданское общество, т. е. совокупность членов общества, которые четко осознают свои гражданские права и обязанности и при необходимости могут влиять на принятие политических решений субъектов власти. Их отношения обычно регулирует закон, т. е. они носят формальный характер.

В случае с традиционной культурой общества все гораздо сложнее. Дело в том, что данный тип культуры включает архаические пласты сознания людей и, передаваясь из поколения в поколение, носит устойчивый консервативный характер. Он искажает отношение объекта власти к субъекту власти, и наоборот. Так, власть в сознании управляемого сакрализуется, а носитель этой власти приобретает черты непререкаемого авторитета, наделенного могуществом свыше. Субъект власти становится опекуном, кормильцем и единовластным судьей своего народа, который ему полностью подчиняется в силу привычки. Стоит ли говорить, что при такой постановке вопроса жизнь представителей объекта власти (т. е. народа) ничего не стоит и при необходимости может быть принесена властителем в жертву «высоким идеям». В отношениях сторон, характеризующих данный тип политической культуры, преобладает почитание старших и разница в поведении управляющих и управляемых, вызванная наличием определенных табу. Тип мышления участников данных отношений носит ярко выраженный иррационально-эмоциональный характер (т. е. в нем отсутствует логическая составляющая), а сами отношения регулируются на основании обычаев, передаваемых из поколения в поколение. «Закон не поощрял сходства между действиями высших и низших лиц, а, напротив, требовал несходства: что делает правитель, то не может делать управляемый, а управляемому приказано делать именно то, что не должно делать правящее лицо»¹³. Яркими носителями традиционной политической культуры являются малообразованные слои населения, и в зависимости от их процентного состава даже демократическая форма правления может выглядеть как диктаторский политический режим¹⁴, т. к. эти люди не подвергают рефлексии свое место в обществе и взаимоотношения с властью, занимая пассивную позицию наблюдателя.

Однако даже представители элиты — носители рациональной политической культуры — не свободны от влияния традиционной политической культуры, т. к. она им передается по наследству той средой, в которой они вырастают. В исследовании «Племена на холме» американский антрополог Дж. Везерфорд¹⁵ обнаруживает признаки традиционной политической культуры даже у представителей Правительства США. Так, старшие члены данной организации всегда пытаются унижить «новичков», путая их имена при встрече или выделяя худшие кабинеты для работы. Эти и другие способы манипуляции они используют для утверждения власти старейшин, характерной для традиционных отношений.

Таким образом, анализ политической культуры общества позволяет выявить тип власти, характерный для данной страны, и реальный уровень развития ее демократических институтов.

Власть и традиционная политическая культура в России

Конечно, даже в самой благополучной стране в политической культуре общества всегда присутствуют элементы иррациональности. Однако в развивающихся странах традиционная политическая культура имеет особенно большой удельный вес, тем самым искажая «привитые» демократические институты власти и придавая им национальную специфику.

«В русской политической жизни, в русской государственности скрыто темное иррациональное начало, и оно опрокидывает все теории политического рационализма, оно не поддается никаким рациональным объяснениям»¹⁶. В этом отрывке явно присутствует аллюзия на то, что в структуре психики русского человека чувственная, т. е. иррациональная компонента, преобладает над логической, т. е. рациональной компонентой. Почему? Быть может, причину этого явления нужно искать в особенностях менталитета российского народа, сформировавшегося под воздействием таких внешних факторов, как пограничное состояние между двумя основными цивилизациями, ассимиляция с населением Азии и огромные территориальные пространства. Географическое положение нашей страны вынуждало в первую очередь решать задачу обеспечения безопасности жизни, а, следовательно, времени и возможностей на развитие интеллекта (т. е. удовлетворения более высоких потребностей) зачастую не оставалось. Соборность и безоговорочная покорность господину как основные черты русского менталитета стали решающими факторами в выживании Российского государства.

Особенности менталитета русских повлияли и на структуру власти, в т. ч. и на специфику отношений между субъектом и объектом власти. Необходимость выживания в условиях неопределенности придавала носителю власти особую окраску в глазах его «подопечных». Он уподоблялся главе семьи. Становясь «царем-батюшкой», либо «отцом народов», он был в ответе за благополучие своих «детей» и мог при необходимости решать их судьбу. «В традиционной русской семье ее глава распоряжался не только всем бытовым укладом... но был единоличным распорядителем всего семейного бюджета и сам делал все необходимые для семьи покупки... держал у себя все семейные деньги, у него были ключи, которые он носил на поясе, от всех помещений, где хранились домашние припасы и семейное имущество. Он единолично распоряжался деньгами, сам выдавал продукты и даже наряды к праздникам»¹⁷. Этот отрывок прекрасно характеризует субъект власти и отношение к нему в традиционно-русской политической культуре.

Одновременно синкретичность мышления объекта власти предполагала личное (эмоциональное), а не формальное (рациональное) отношение к ней, выражаемое эмоциями любви, ненависти или же страха. «Начало... есть страх, а любовь — только плод. Нельзя считать плод корнем, а корень плодом... Правда, плод или часть плода (семя) зарывается в землю так, что оно становится невидимым и перерождается в корень и другие части растения»¹⁸. Очевидно, что в подобной политической культуре власть носила традиционный характер, т. е. налицо традиционный тип господства, отвечающий критериям, выявленным М. Вебером. В силу своей традиционности власть отождествлялась с носителем власти, поэтому чувства «любви» или «ненависти» со стороны управляемых адресовались непосредственно главе государства. «У нас любят дело или ненавидят его, смотря не по делу, а по человеку, который его делает»¹⁹. Русский народ всегда верил в «доброе» царя, который подумает

за него и решит всего его проблемы, возможно, отсюда появилась еще одна характерная черта русского народа — пассивность.

Кроме традиционных норм, регулятором общественных отношений в России выступало табу, особенно в сексуальной и пищевой сферах жизни общества. Так, например, система спецпайков, распределявшая такие дефицитные продукты, как красная и черная икра, балык и коньяк, предназначалась только для представителей коммунистической партии и тем самым подчеркивала их социальный статус в иерархической структуре общества. В целом, иностранные граждане всегда обращали внимание на значительную роль табу в регулировании общественных отношений в России («...все вещи там настолько секретные, что весьма трудно узнать правду о том, что не видел собственными глазами»²⁰).

По большому счету и сам субъект власти в традиционной политической культуре России был тоже своего рода табу. Но в случае, если он не удовлетворял насущным интересам и чаяниям народа (например, во времена голода или затяжных войн), в среде последнего мог появиться свой неформальный лидер, который иногда насильственно устранял формального лидера, допустившего бедственное положение своих «детей», и сам становился табу. Так в русской политической культуре появляются фигуры харизматических лидеров, а следовательно, харизматический тип господства. «Большевики страшно любят Владимира Ильича. Ильич — бог. Действительно, какая мощная фигура... Его воля несокрушима... Его прозорливость доходит до пророчества. Ленину не должна быть страшна смерть: он уже бессмертен. Когда следишь за ним, твои силы удесятерятся»²¹. Следовательно, российская политическая культура представлена исторически двумя типами господства: традиционным и харизматическим, приходящими на смену друг другу. Однако вопрос в другом: насколько эффективно такое управление?

Очевидно, что демократическая форма правления является лучшей из существующих, поэтому традиционный русский уклад без «инъекции» в него западных рациональных ценностей будет являться тормозом социального прогресса, а, следовательно, негативно отражаться на социально-экономическом уровне жизни самого объекта власти. «Для России представляет большую опасность увлечение органически народными идеалами, идеализацией старого русского уклада, народной жизни, упоенного натуральными свойствами русского характера. Такая идеализация имеет фатальный уклон в сторону реакционного мракобесия»²².

Первым прорыв в традиционном русском сознании, а, значит, и попытку смены политической культуры России сделал Петр I. Именно в то время, когда рациональные западные ценности «пришли» в Россию, она перестала быть «лапотной», но в то же время произошел раскол и в самом русском обществе, который сохранился до наших дней. «Русская жизнь имеет два пласта людей... которые выражают каждый различную эпоху истории: высшее сословие — XIX в., низшее — IX в. нашей эры... В каждом из пластов, разделенных тысячами лет, хотя живущих рядом, есть свои верхи и свои низы»²³.

Можно ли дать положительную оценку этому социальному явлению? Пожалуй, можно, т. к. возрастание числа носителей рационального сознания способствует формированию гражданского общества и эффективному функционированию демократических институтов власти, а, следовательно, установлению законности и правопорядка в нашей стране.

Подводя итоги, можно сказать, что в соответствии с терминологией Макса Вебера в политической культуре России поочередно присутствуют традиционный и харизматический типы господства. В настоящее время в нашей стране продолжают попытки «привить» демократические институты, свойственные легальному типу господства, однако эффективность их функционирования невысока, т. к. представлены они зачастую носителями

традиционной политической культуры. Автор полагает, что повышение культурного уровня как представителей объекта, так и представителей субъекта власти в духе рациональных культурных ценностей является сегодня одной из первоочередных задач эффективного социально-экономического развития России.

-
- ¹ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М., 2006. С. 490.
- ² Blau P. M. Differentiation of Power // Political Power: A reader in Theory and Research / Ed. by R. Bell, D. V. Edwards, R. H. Wagner. New York; London, 1969. P. 79–93.
- ³ Ледаев В. Г. Концепции власти: Аналитический обзор // Антропология власти: В 2 т. СПб., 2006. Т. 1. С. 82–102.
- ⁴ Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М., 2003. С. 184.
- ⁵ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М., 2006. С. 486.
- ⁶ Богданов А. Из психологии общества. СПб., 1906. С. 4.
- ⁷ Вебер М., Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М., 2006. С. 43.
- ⁸ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М., 2006. С. 486.
- ⁹ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М., 2006. С. 487.
- ¹⁰ Patterson S. C. The Political Culture of the American States // Journal of Politics. 1968. Vol. 30. № 1. P. 188.
- ¹¹ Бочаров В. В. Иррациональность и власть в политической культуре России // Антропология власти: В 2 т. СПб., 2007. Т. 2. С. 207.
- ¹² Almond G. A. Comparative Political Systems // Journal of Politics. 1956. Vol. 18. № 3. P. 396.
- ¹³ Спенсер Г. Основания социологии. М., 1998. С. 223.
- ¹⁴ Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 498.
- ¹⁵ Weatherford J. Tribes on the Hill. New York, 1949.
- ¹⁶ Бердяев Н. А. Судьба России // Бердяев Н. А. Падение священного русского царства. М., 2007. С. 50.
- ¹⁷ Бочаров В. В. Иррациональность и власть в политической культуре России // Антропология власти: В 2 т. СПб., 2007. Т. 2. С. 210.
- ¹⁸ Леонтьев К. Н. О всемирной любви // Русская идея. М., 1992. С. 152–153.
- ¹⁹ Ключевский В. О. Исторические портреты. М., 1990. С. 126.
- ²⁰ Россия глазами иностранцев XVIII в. Л., 1989. С. 282.
- ²¹ Письма из 1918-го // Октябрь. 1982. № 11. С. 176.
- ²² Бердяев Н. А. Судьба России // Бердяев Н. А. Падение священного русского царства. М., 2007. С. 54.
- ²³ Фадеев Р. Русское общество в настоящем и будущем. СПб., 1874. С. 64.